За всю свою жизнь Исмем множество раз видела это лицо: оно было на фресках, витражах и статуях в храмах и домах. О владелице этого лица писали книги, с нее рисовали картины, слагали стихи и именно ей возносили молитвы. Лицо Пресветлой всегда сопровождало собой ту немногочисленную красоту, доступную обычному Светлому. И именно поэтому красота была для Исмем столь чужда. Столь отвергаема.

Библиотекарь всю жизнь прожила стараясь избегать этой благожелательной улыбки и ее безжалостных правил. Поэтому, даже с ее памятью, она не сразу осознала, кто вошел в двери их общей тюрьмы.

В конце концов даже разбитые и грязные статуи Пресветлой продолжали освещать этот мир своей ласковой улыбкой. Ни один скульптор не решится изобразить Пресветлую, с таким израненным и некрасивым, в своей истощенности, лицом. Ни один из них не сможет передать эти глаза- полные бесконечно усталой, но упорной решимости.

Потому что боги не нуждаются в таких глазах. Такие глаза могут быть только у слабых и глупых людей, которым не хватает сил, но они в упорной глупости продолжают идти вперед.

И сейчас Исмем смотрела на человека, с лицом бога. И силы этого человека были на исходе. Она умирала. И двое, рядом с ней, это понимали.

-Любой, кто подойдет ближе, умрет- абсолютно спокойно сказала высокая мускулистая женщина с белыми, вьющимися до плеч волосами.

Вторая сопровождающая как можно аккуратнее перехватила потрескавшуюся и стала настороженно следить за окружением. Казалось ее лицо, окруженное короткими прямыми волосами, навечно застыло мрачной маской, но в глубине глаз виднелось постылое злое отчаяние. Исмем знала это выражение. Такое лицо было у человека, мир которого был разрушен, и он не мог понять, кого за это ненавидеть.

В зале повисла напряженная тишина. Вдруг кто-то из недавно прибывших не выдержал. Он закричал и помчался на дочь Пресветлой.

И потом высокая сделала шаг вперед и схватила его за голову. Что-то хрустнуло и мужчина упал на пол.

Он был мертв.

В зале поднялся нерешительный ропот. И, если старожилы из городских каст окончательно передумали подходить к дочери Пресветлой, то с военными все было не так просто. Исмем не знала почему… возможно это был еще один побочный эффект Темной Материи, но казалось они просто физически не могли сдерживать свою ярость. Несомненно, еще минута, и на потрепанную тройку хлынет обезумевшая от ярости и страха толпа и тогда они точно не выживут. В конце концов все в зале видели, настолько истощенными они были.

А потом дочь мягко отставила руку держащей ее женщины и выступила вперед.

-Я понимаю, что мои слова для вас звучат издевкой, а лицо лишь символ предательства и незаживающих ран. Поэтому я не буду унижать вас проповедями и разговорами- тихо сказала женщина и махнула рукой на двоих, стоящих рядом- эти двое мои люди. Если вы тронете их, то умрете. Это ваш выбор- спокойно закончила она.

И полные ненависти люди немедленно бросились на них, в попытке разорвать. Чтобы упасть на пол, и больше никогда не подняться.

Дочь Пресветлой была предельно откровенна. Исмем так и не смогла понять, от чего они умерли.

Так и состоялось знакомство выживших и навсегда отвергнутых Пресветлой подопытных с ее полумертвой дочерью. И, возможно, через некоторое время одна сторона рано или поздно уничтожила бы другую. Ведь одни были не в силах простить, а другие не могли позволить себе умереть.

Но случилось то, что ожидали одни, и о чем не ведали другие.

Странный, нелогичный и бесчеловечный эксперимент был завершен. Выжившие со всех каст собраны. И теперь мог начаться второй этап, ради которого и было принесено столько жертв.

Если бы кто-нибудь из подопытных узнал о причине проведения экспериментов… номер Десять, так и не осмелилась сказать Исмем, что ее поймали из-за взлома системы безопасности. Она хотела узнать причину, ведь Исмем спросила ее почему… когда Десятая узнала, у нее случился срыв. Она не могла больше скрывать свои эмоции, и с этого начался ее личный ад, полный Темной Материи и постоянных приступов разрушения.

Десятая не сказала о причинах ни одной живой душе. Это было… слишком жестоко.

***

В последнее время происходило что-то странное.

И дело было не только в новеньких. Эта Экза с Фови держались от них на осторожном расстоянии, а Ллойд… ну он иногда подходил к их столу и болтал с Элфи. Та была такой радостной в этот момент, что никому и в голову не приходило им мешать. И у Исмем было подозрение, что Экза одобряет его действия и ждет благоприятного момента для сближения.

А еще пристально наблюдает за дочерью Пресветлой. Как и сама Исмем.

За эти дни выглядеть лучше женщина не стала, но это не мешало ей убивать всех агрессивно настроенных подопытных, приближавшихся к их столу. А в том, что это делает именно она, сомнений не было- каждый раз, когда умирал очередной человек, женщина трескалась сильнее. Дошло до того, что мрачная девушка, рядом с ней, стала метать ножи в каждого, кто подходил достаточно близко. Каждый раз инструмент немного не доставал до жизненно важного органа, но… никто не умер.

Тем, кто добирался до дежурившей рослой, так не везло. Она действовала наверняка и старалась успеть до атаки своей хозяйки.

Но среди присутствующих в зале были не только желавшие дочери смерти- на пятый день ей начали молится. Хотя, скорее, попытались. Когда дочь увидела их коленопреклонные позы на ее лице отразилась глубокая усталость. Девушка вздохнула и, шатаясь, встала:

-Я не смогу вам помочь. Если бы могла, меня бы здесь не было- просто сказала она- Ваши молитвы не помогут вам выжить.

Коленопреклонные фигуры не двинулись и на усталость на лице дочери проявилась сильнее:

-Все, что я могу сделать для вас, это убить. Но, если я это сделаю, это не будет очищением и божественным промыслом. Вы просто умрете. Если это то, что вы хотите, то встаньте.

Часть людей встала и посмотрела на дочь полными надежды глазами. Они слишком устали от этого места, но были недостаточно храбры. Возможно они считали, что женщина лжет, и смерть от ее рук почетнее, чем…

-Перестаньте!!! — заорали слева от Исмем и она отвлеклась от жуткого зрелища и повернулась.

Рядом с ней стояла Элфи. Очень, очень злая Элфи.

-Ты! — гневно ткнула пальцем целительница- Ты снова… это так просто, ведь так! Дарить людям смерть, даже не пытаясь им помочь! Ты постоянно это делаешь… всегда… все эти люди! — тело целительницы содрогалось от переполнявшей ее ярости и обиды- Я не позволю тебе убить и их… не позволю- угрожающе прошипела Элфи и решительно двинулась к… сильно удивленной дочери?

Действительно, лицо оружия Пресветлой перестало напоминать высокомерную маску и стало слегка растерянным. Теперь, глядя на нее, Исмем с удивлением поняла что дочь Пресветлой… подросток. И этот подросток абсолютно не понимал, как ему реагировать на грозно приближавшуюся к ней целительницу.

В отличие от ее спутников. Высокая напряглась и медленно встала из-за стола, а мрачная

вытащила ножи. И тут то Исмем поняла, что нужно что-то делать!

Библиотекарь вскочила из-за стола, сопровождаемая близнецами (Тедди остался сзади- нельзя было допустить, чтобы Десятую поранили. Или они все трупы). Краем глаза Исмем заметила, как из-за другого стола подорвался Ллойд и Фови, а взгляд Экзы стал странно сконцентрированным. Судя по всему намечалось столкновение самых сильных групп лаборатории.

А потом решительная Элфи… споткнулась.

Сопровождавшие дочери удивленно уставились на лежащую на полу целительницу. Было очевидно, что их боевой настрой немного сбился. Исмем застонала, а Ллойд метнулся к Элфи, но не успел. Окончательно растерявшаяся дочь машинально шагнула к целительнице и позволила ей встать.

-Вы… в порядке? — осторожно спросила она.

-Эм, да- смущенно ответила целительница- Извините за это. Такое иногда случается- и подняла глаза.

Увидев дочь, Элфи вздрогнула и резко вырвала руку, вызвав гримасу боли на лице девушки. И только тогда Исмем поняла, насколько болезненно для нее было просто двигаться, не говоря уже о поднятии с земли взрослой женщины. Должно быть это было очень больно, а после такой реакции и обидно, но дочь, казалось, это не затронуло. Она продолжала с любопытством смотреть на Элфи.

Вот только сопровождающим эта реакция по душе не пришлась- они пришли в себя и оградили дочь от окружающих. А сама целительница вспомнила о причине своего приближения и гневно набрала воздуха, но была сбита:

-Извините, если обидела вас- мягко сказала дочь- но у меня есть обязанности перед этими людьми. Они служат моей матери, а в замен она должна служить им. И, если она не хочет выполнять свои обязательства, то это буду я…

-Заткнись! — рявкнула доведенная целительница, из-за спины подошедшего солдата- Это просто гнилые оправдания! Смерть во имя правого дела, смерть во имя очищения, смерть во имя других! Вы просто трусы… — ненавистно выплюнула слова Элфи- они трусы, что не хотят жить, а ты, потому что не желаешь дать им причину. Все эти обязанности просто отговорки. Если ты хочешь служить людям то не убивай их! Помоги им, черт возьми! Хотя бы попытайся! — казалось целительница сейчас заплачет- все равно, если у тебя не получится, или будет выглядеть глупо. Какая разница. Почему никто и никогда не желает пробовать… вы же не неудачники как я… у вас может получится- под конец целительница уже еле слышно шептала, но подошедшая Исмем ее слышала.

И дочь тоже. И реакция ее была… на лице Пресветлой проступила прогорклая, застарелая боль, будто слова Элфи вскрыли старую рану:

-Я не неудачница? Первыми словами, услышанными мной в жизни, были стоны разочарования матери- зло выплюнула слова девушка- Я не пыталась?! Ты себе даже не представляешь, сколько попыток я совершила. Да что ты знаешь… Да что вы все знаете! — дочь начало трясти и высокая тревожно на нее посмотрела.

-Госпожа- в ее голосе слышалась отчетливая тревога, смешанная с легким испугом- Госпожа не беспокойтесь. Она не права.

С губ дочери сорвался горький смешок:

-О нет, она права. Абсолютно права. Мне плевать на этих идиотов. И что, если они умрут?! Я устала. Устала и мне так больно. Почему мне так больно! — и тут дочь затряслась еще сильнее, а из ее глаз неконтролируемо потекли слезы- У меня не должно быть тела. Н-но я хочу есть и х-хочу спать, но не могу, п-потому что мн-не больно! А еще мне страшно. А если он-ни убьют вас? Е-если ты ум-мрешь, я не зн-наю что мн-не дел-лать. Я т-так устала…- дочь постепенно сжималась в комочек и, в конце, закрыла лицо руками, пока все остальные в зале ошарашенно следили за этим зрелищем.

Высокая панически посмотрела на мрачную. Та решительно кивнула и достала ножи. Высокая тяжело вздохнула, обвела всех присутствующих долгим взглядом и аккуратно обняла сотрясающееся в рыданиях тело.

В этот момент Исмем поняла одну чудовищную в своей нелогичности вещь- перед ней рыдал ребенок. Абсолютно нормальный ребенок, переживший много очень плохих часов боли, усталый и боящийся, что у него отнимут важных для него людей.

То есть, абсолютно точно, не одушевленный Кристаллит. Все знали, что у дочерей Пресветлой нет привязанностей и, будем откровенны, эмоций, значит эта девушка точно человек. Но… трещины по всему ее телу доказывали обратное! Можно ли создать человека из Кристаллита? Исмем не знала, но…

А Экза, тем временем, молча наблюдала за происходящим и делала выводы.

На следующий день Исмем не вывели из камеры для ставших обыденностью опытов. Она провела запертой в маленькой комнатке несколько дней, и это были весьма неприятные дни. Дело в том, что раз в день одного из ее соседей куда то уводили, и больше он уже не возвращался. И количество постояльцев в камерах становилось все меньше и меньше день ото дня. Их и так то оставалось немного… В общем ситуация выглядела максимально плохо и большую часть времени Исмем проводила в медитации, чтобы не впасть в панику.

И спустя неделю очередь дошла и до нее.

В этот раз ее повели в совершенно незнакомый ей отдел и завели в новую комнату, большего размера.

И в этой новой комнате стоял стол, два стула, странный прибор, знакомая канистра Темной Материи и… еще один новенький? Странно, но у подопытной было чувство, что он не из лаборатории. Что-то в форме глаз, немного отличающийся изгиб рта и, главное, странный оттенок волос. Скорее седой, чем белый. А главное выражение лица- казалось неизвестный не боялся происходящего. Скорее выглядел скучающим. Злящимся и скучающим, хотя Исмем и не знала, как это может сочетаться.

А потом ее посадили на стул, привязали к нему и сидящий напротив сказал:

-В этот раз она хотя бы симпатичная. Даже убивать жалко

На абсолютно неизвестном ей языке.

http://tl.rulate.ru/book/49035/1242029